

Амелия подняла руку, и ее голос отчетливо прозвучал в зале суда: "Мы понимаем ограничения Веритасерума, директор Дамблдор. Поэтому у нас также есть свидетель, который был близок к обвиняемому и жертвам".

По залу пронесся ропот, когда в зал ввели Ремуса Люпина. Он нервно огляделся по сторонам, пока его взгляд не упал на Сириуса, и его лицо слегка побледнело.

Однако когда он уже собирался занять место в свидетельском кресле, в зале раздался пронзительный голос: "Мадам Боунс, вы не можете всерьез рассматривать слова известного оборотня!"

В зале суда воцарилась тишина, все взгляды обратились к Долорес Амбридж. Она сидела и ухмылялась своим жабоподобным лицом, наслаждаясь моментом внимания. Однако ее ухмылка быстро исчезла, когда в зале раздался холодный голос.

"Мадам Амбридж, я не знал, что способность говорить правду ослаблена прискорбным недугом ликантропии", - в голосе лорда Блэка звучал сарказм. "Полагаю, хорошо, что вы не имеете никаких предубеждений против больных, так как это сильно подпортило бы ваше положение честного и беспристрастного заместителя секретаря".

Амбридж так и осталась стоять на месте, а по комнате прокатилось эхо хихиканья. Амелия кивнула в сторону Ремуса, который слабо улыбнулся.

"Мистер Люпин, - начала Амелия, - не могли бы вы поделиться с нами своими наблюдениями за мистером Петтигрю в течение нескольких недель, предшествовавших смерти Поттеров?"

Ремус прочистил горло и на мгновение встретился взглядом с Сириусом, прежде чем начать давать показания. Ремус окинул взглядом зал суда, в его янтарных глазах отражались одновременно страх и решимость. Он глубоко вздохнул и начал, его голос был мягким, но звучал в тишине.

"Питер... он изменился за несколько недель, предшествовавших смерти Джеймса и Лили. Он казался... нервным, нервным. Он всегда был немного нервным, понимаете, но это было по-другому. Он избегал нас - Сириуса, меня и даже других членов Ордена".

Ремус сделал паузу, тяжело сглотнул и продолжил. "Он утверждал, что просто плохо себя чувствует. Но теперь, оглядываясь назад... кажется очевидным, что происходило что-то еще. Тогда я не придавал этому значения. В конце концов, это было трудное время для всех нас. Мы все находились под давлением и справлялись с собственными страхами и тревогами".

"Я никогда не подозревал, что Питер... предаст нас", - признался он, его голос немного дрогнул. "Я не видел признаков. Если бы увидел, возможно, смог бы что-то сделать. Может быть, Джеймс, Лили не умерли бы. Может быть, они были бы еще здесь".

В зале суда воцарилась тишина, когда Ремус закончил свой рассказ. Его вина была ощутима, и многие в зале почувствовали, как их сердца разрываются от его слов. Его показания добавили человеческий фактор к холодным фактам дела, напомнив всем о реальной боли и трагедии, лежащей в основе всего этого.

Мадам Боунс кивнула на фигуру Минервы МакГонагалл, стоящую в дверях зала суда.
"Профессор МакГонагалл, не желаете ли вы выступить в качестве свидетеля?"

Прежде чем Минерва успела ответить, Дамблдор встал и возразил: "Минерва - профессор Хогвартса и член Ордена Феникса, ее показания могут быть необъективными".

МакГонагалл решительно кивнула, ее тартановая мантия зашуршала вокруг нее. "Возможно, это и так, Альбус, - резко заявила она, - но я также являюсь доверенным лицом Лили Поттер и потенциальным опекуном Гарри, как указано в завещании. Я готова принять Веритасерум, чтобы убедиться в правдивости моих слов".

Глаза Дамблдора сузились за полумесячными очками, но он ничего не сказал, опустившись обратно в кресло. Зал суда молча наблюдал за тем, как Минерва идет вперед, высоко подняв подбородок. Она уселась в кресло перед мадам Боунс и приготовилась рассказать о событиях, связанных с гибелью Поттеров.

Зал затих в ожидании, что скажет еще одна ключевая фигура в этом трагическом повествовании.

Когда Минерве ввели серебристую жидкость веритасерума, ее лицо исказилось от дискомфорта. Она открыла рот, чтобы заговорить, но ее слова были натянуты и обрывочны. Обычно строгая и уравновешенная женщина вдруг наполнилась видимой борьбой.

В зале суда воцарилась тишина, наблюдая за тревожной сценой. Арктурус, распознав признаки борьбы, поднялся со своего места, и его голос отчетливо прозвучал в тишине зала суда.

"Похоже, профессор МакГонагалл борется с эффектом Веритасерума, - сказал Арктурус, не сводя взгляда с напряженной фигуры Минервы. "Возможно, это эффект от контр-пилюли или заклинания. Если вы позволите, я хотел бы предложить услуги моей кузины, Кассиопеи Блэк. Она владеет магией разума и, возможно, сможет определить и нейтрализовать контрэффект".

Зал суда разразился шепотом, но взгляд госпожи Марчбэнкс, выступавшей в роли главного мага, неотрывно следил за Арктуром. После минутного молчания она кивнула. "Приступайте, лорд Блэк".

Кассиопея, молчаливая и спокойная на протяжении всего заседания, подошла к свидетельской трибуне. Она положила руку на лоб Минервы и сосредоточенно закрыла глаза. Зал суда замер в ожидании, напряжение было ощутимым. Кассиопея была весьма уважаемой целительницей, известной своим глубоким пониманием тонкостей магии и разума. Если кто и мог понять, что

мешает показаниям Минервы, так это она.

Кассиопея убрала руку со лба Минервы, ее лицо не выдавало никаких эмоций, когда она повернулась лицом к молчаливому залу суда. Она заговорила, ее голос был спокойным, но четким и гулко разносился по залу.

"Профессор МакГонагалл получила зелье лояльности", - заявила она совершенно искренне, вызвав коллективный вздох в зале суда. "Это тонкое снадобье, призванное контролировать ее идеи".

Шепот стал громче. Мадам Марчбэнкс опустила молоток, требуя тишины. "На кого, - спросила она ледяным голосом, - рассчитано зелье?"

Кассиопея повернулась и посмотрела прямо на Альбуса Дамблдора. "Зелье заточено под директора Альбуса Дамблдора", - сказала она.

Зал суда взорвался хаосом, обвинения и контр-обвинения разлетелись по комнате. Люди стояли на ногах, на их лицах отражались шок и неверие. Дамблдор сидел неподвижно, его лицо было бесстрастным, а взгляд был устремлен на Кассиопею и Минерву.

Мадам Марчбэнкс снова стукнула молоточком. "Порядок! Порядок в суде!" - крикнула она. "Это серьезное обвинение, мадам Блэк. Вы можете доказать его?"

Кассиопея кивнула. "Могу, мадам Марчбэнкс. Зелье оставляет магическую подпись, такую же уникальную, как отпечаток пальца. Простой Приори Инкантиатом профессора МакГонагалл выявит его".

Дамблдор наконец поднялся, его глаза блестели за полумесячными очками. "Уверю вас, - начал он, его голос был спокойным и непоколебимым, - мне абсолютно ничего не известно о подобном поступке. Верность нельзя сварить в котле, ее можно только заслужить. Я всегда в это верил".

В зале суда раздался ропот, голоса накладывались друг на друга и смешивались в неразличимый гул. Некоторые были настроены скептически, на их лицах читалось недоверие, когда они смотрели на Дамблдора. Другие не были уверены, разрываясь между уважением к директору и шокирующими откровениями суда.